

На холодную сковороду высыпали рубленый сычуаньский перец, мелко нарезанный чеснок, когда вокруг перца начали появляться пузырьки, добавили чеснок, обжарили до золотистого цвета, сбрызнули несколькими каплями соевого соуса для вкуса, затем выложили помидоры, тушили до выделения красного масла, посыпали щепоткой соли, добавили воды, сварили лапшу — всё без ошибок. Неизвестно, сколько раз нужно было повторить, чтобы достичь такого мастерства.

Сяо Жофэй ел с удовольствием, а Гу Чуньлай не мешал. Он встал и начал ходить вокруг кровати, неясно, чем занимаясь.

Шум стих, вокруг стало тихо. В комнате остались только звуки жевания, шагов и неясный гул машин за окном.

Он не ожидал, что однажды сможет спокойно есть лапшу в доме Гу Чуньлая.

Возможно, не привыкнув к тишине, Сяо Жофэй первым нарушил молчание, как будто они были старыми друзьями:

— В последнее время занят?

Гу Чуньлай ответил:

— Нормально, просто репетиции и выступления.

— Какой спектакль?

— Какой же ещё? «Неудача и слава».

Слишком стандартный диалог, словно запрограммированный.

— Сколько осталось выступлений?

— Вчера было предпоследнее, сегодня — последнее, тур этого года завершён.

Сяо Жофэй остановил палочки, презрительно фыркнул.

— У тебя же выступления, а ты вчера был в клубе, ты...

Гу Чуньлай перебил его:

— Была причина.

— Я думал, ты ставишь актёрство на первое место, работа важнее всего.

— После вчерашнего выступления у меня было двадцать пропущенных звонков, все от Яньняня. Я перезвонил, а он в трубке плакал и блевал, я не мог просто оставить его.

— Ой-ой, оказывается, наш Казанова до сих пор не может забыть свою первую любовь...

— Неизвестно, кто довёл его до такого состояния, — голос Гу Чуньлая по-прежнему был спокоен, без эмоций. — Господин директор, займись лучше собой. Или ты настолько могуществен, что можешь снимать фильмы без главного героя?

Сяо Жофэй был ошарашен этим заявлением.

Ссориться с давним соперником, которого знаешь как облупленного, — это всегда неприятно.

Они знакомы много лет, знают друг друга вдоль и поперёк, и если сесть и поговорить, это будет приятно, но в споре они за несколько слов могут попасть в самое болезненное место.

В душе Сяо Жофэя закипело, но он не мог ничего возразить.

Он чувствовал себя ужасно.

Гу Чуньлай не спорил, не претендовал, не жаловался, не злился, даже не боялся призраков и пауков, всегда оставаясь невозмутимым, словно даже если небо упадёт, это его не коснётся. Если вступал в спор, его было невозможно переубедить, разозлить или ранить, как будто он был непробиваемым, и всегда выходил победителем.

Так было каждый раз в прошлом. И сейчас тоже.

Едва в душе Сяо Жофэя разгорался огонёк, как он тут же гасился спокойным взглядом Гу Чуньлая.

Он понимал, что продолжать спор бессмысленно. Даже если в будущем их пути не пересекутся, они оба взрослые люди, и нет нужды сжигать мосты. Лучше оставить себе путь к отступлению.

Он посмотрел на Гу Чуньлая, но тот тоже не проявлял реакции, и Сяо Жофэй спокойно начал одеваться.

Боксеры и серые джинсы были немного тесны, но в целом подходили. А вот белая рубашка с небольшими складками на нём выглядела так, будто её натянули на палку. Едва застегнув пуговицы, Сяо Жофэй посмотрел вниз — шов рубашки слегка расходился, и он был похож на окорок, готовый к разделке, с сетчатыми узорами от перетяжки.

Он пристально смотрел на Гу Чуньлая, желая, чтобы тот ушёл, но тот не двигался, стоя в дверном проёме, скрестив руки на груди, и смотрел на него с безразличием. Хотя выражение лица оставалось прежним, Сяо Жофэй чувствовал...

Этот парень явно сдерживал смех.

— У тебя есть одежда побольше?

Гу Чуньлай не реагировал.

— Футболка или свитер, есть?

Гу Чуньлай оставался неподвижным, не отвечая.

— Ладно, ты победил... Тогда позволь моему ассистенту принести одежду, ладно?

Не получив ответа, Сяо Жофэй решил, что это молчаливое согласие. Он снял обтягивающую рубашку и брюки, с досадой взял телефон и, только включив экран, увидел десятки уведомлений, словно пули, летящие в него.

Все от его ассистента.

Проклятье, Сяо Жофэй вдруг вспомнил, что сегодня вечером ему нужно присутствовать на

важной церемонии награждения — «Ночи света и тени».

В отличие от уважаемой премии «Золотое кольцо», существующей уже пятьдесят лет, «Ночь света и тени» — молодая премия. Пять лет назад несколько ведущих продюсеров совместно с десятками профессионалов из киноиндустрии создали жюри, которое голосовало за награды в различных категориях, включая лучший фильм и лучшего режиссёра. Эти несколько наивные идеалисты не смотрели на инвестиции и кассовые сборы, а хотели продвигать фильмы, которые они считали достойными.

Первый год никто не воспринимал их всерьёз, но работы, получившие награды, получили хорошие отзывы у зрителей, а повторные показы собрали неожиданно высокие кассовые сборы, и даже некоторые актёры вновь стали популярными.

С тех пор «Ночь света и тени» постепенно стала праздником для киноманов, масштаб мероприятия рос, и индустрия начала уделять ему больше внимания, билеты на кинопоказы после церемонии раскупались мгновенно.

А Сяо Жофэй был одним из тех, кто стоял у истоков этого мероприятия. Помимо основной работы, это было дело, которому он уделял больше всего внимания.

Как можно было пропустить его из-за одной рюмки?

Он назвал адрес дома Гу Чуньлая, попросил ассистента принести одежду и подготовить подарок, чтобы как можно скорее забрать его.

Примерно через полчаса ассистент с вещами появился у двери дома Гу Чуньлая.

Сяо Жофэй переоделся в подходящую одежду, взял принесённую коробку с яблоками и наконец нашёл Гу Чуньлая на кухне. Тот сидел на полу, скрестив ноги, с миской в руках, спокойно ел лапшу.

Он сразу узнал, что это была та самая миска, из которой он ел, и те же палочки.

Увидев это, Сяо Жофэй не смог сдержать улыбки, поставил коробку с яблоками рядом с Гу Чуньлаем и тихо сказал:

— Чуньлай, спасибо за то, что позаботился обо мне вчера вечером. Скоро праздники, дарю тебе яблоки, чтобы ты был в безопасности.

Гу Чуньлай молча продолжал есть.

Сяо Жофэй с лёгкой досадой продолжил:

— Да, он приходил на пробы для моей новой картины, но в итоге мы отказали ему.

Многие сотрудники компании «Цаньсин» знали Сяо Жофэя с детства и в какой-то мере знали о его коротком прошлом с Бай Яньнанем, а также о том, что их расставание было не самым приятным. Когда Бай Яньнань сам связался с ними, желая сыграть в этом фильме, режиссёры по кастингу удивились и спросили Сяо Жофэя, нужно ли им избегать конфликта интересов.

Ведь за многие годы «Цаньсин» и студия Бай Яньнаня никогда не сотрудничали.

Тогда Сяо Жофэй согласился на его просьбу. Он даже лично присутствовал на пробах, наблюдая, как Бай Яньнань исполняет двухминутный монолог.

Через два дня Сяо Жофэй сам позвонил и сообщил, что роль не для него.

Честно говоря, такой жанр, средний бюджет, новый режиссёр от «Цаньсин» — кассовые сборы в лучшем случае окупятся, основная прибыль будет от международного проката. Для Бай Яньнана, находящегося на пике популярности, это не было ни хорошим ресурсом для заработка, ни возможностью получить награды.

Он думал, что Бай Яньнаню всё равно. Кто бы мог подумать, что человек, который так спокойно говорил по телефону, позже отреагирует так бурно.

Закулисные решения сложно объяснить в нескольких словах.

Тщательно подбирая слова, Сяо Жофэй наконец произнёс:

— Я знаю, ты заступаешься за Яньнана. Но... я не собираюсь идти на уступки в кастинге. Я просто хочу найти самого подходящего человека. А он не тот.

Через мгновение Гу Чуньлай поднял на него взгляд, затем внезапно повернулся к ассистенту и спросил:

— Ты личный ассистент Жофэя?

Совершенно не ожидая, что диалог перейдёт на него, даже привыкший ко всему ассистент запнулся:

— Д-да... Здравствуйте, меня зовут Чжан Ичэн, я его личный ассистент...

— Меня зовут Гу Чуньлай, можешь называть меня Сяо Гу или Чуньлай, как тебе удобно, — Гу Чуньлай достал телефон, пролистал несколько раз и повернул экран к Чжан Ичэну. — Это квитанция за химчистку костюма твоего босса, отсканируй здесь, в мастерской сказали, что можно забрать после обеда.

Чжан Ичэн засуетился.

— Подождите, я сразу переведу вам деньги.

— Не надо, — Гу Чуньлай махнул рукой, убрал телефон и, глядя на Сяо Жофэя, сказал:

— Господин Чжан, передай своему боссу, что вчера вечером в том напитке, который он пил, могло быть что-то нечистое. Пусть будет осторожен, если почувствует недомогание — сразу в больницу.

Чжан Ичэн, словно ребёнок, оказавшийся между ссорящимися родителями, смотрел то на одного, то на другого, не зная, что делать.

<http://bllate.org/book/15563/1415584>